

РАЗНОСТИ

„Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот - это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего как змея?“

В. Ходасевич

Абсурд человеческого существования – в ежедневном, ежечасном, ежесекундном бегстве от абсурда, – бегстве, который поглощает все время и все жизненные силы. Даже свои мысли об этом нет ни времени, ни желания записывать. Хотя они – тоже одна из форм бегства, тоже – «не я», а только недостоверные воспоминания о себе.

Я вспоминаю своих друзей, наши бдения и споры... где это все? и где сам я? Похоже, цель жизни, с ее пресловутыми "самореализациями" и "самоосуществлениями", состоит только в том, чтобы поосновательней растерять себя – так, чтобы уж наверняка потом не сыскать, а если не до конца потерял – мучиться...

Но если это не я – то где тогда я, тот, настоящий?

Только в снах, где ко мне приходят давно умершие близкие мне люди и звери, где беспечно проносятся радостные и светлые эротические видения... Но в жизни меня, настоящего, нет. Может быть, только чуточку в моей музыке.

Из моих высказываний можно ложно заключить, что у меня депрессия. На самом деле все отлично! Все отлично – но не со мной, поскольку это не я...

Иногда мне осторожно говорят, что в моей музыке многовато длиннот, пауз и тишины. А вы помолчите хотя бы одну секунду в память о каждом замученном в лагерях – и у вас не будет к моей музыке больше никаких вопросов.

Наконец-то я понял, что такое любовь! Любовь – это цепная реакция нежности, это резонанс: трепет одной струны вызывает отклик в другой, а ее отклик усиливает трепет первой...

«Только две вещи в мире достойны подлинного изумления — звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас». Я бы перефразировал Канта – меня больше изумляет звездное небо внутри нас.

Интересно, а какое послевкусие у жизни?

Как взрывает мозг ужас небытия! Не от того же ли ужаса трепещет пламя свечи?

Странное существо человек! Вроде сверху уже никто не наблюдает, не присматривает. Вот тут-то ему и забиться бы в судорогах от абсурда и страха, зарычать от отчаяния, катаясь по земле, колотя кулаками в небо, царапая и кусая всех тактично сочувствующих...

Так нет же! Стараются даже по возможности улыбаться, – несмотря ни на, ни на, – как-то ровно держать спинку, как-то с достоинством протраждать всю свою жизнь, до самого конца. А зачем? Какой в этом смысл, когда даже те, кто мог бы это оценить, исчезнут без следа?

То ли дело раньше! Могли ведь там, наверху, случайно заметить внизу, посреди деловито копошащихся, и приветливо окликнуть, и махнуть рукой – «А что, очень даже неплохо! Молодчина! Заходи...»

Нельзя сказать, что я приходил когда-то к вере. Я прошел через нее и вышел с другой стороны. Если спасение утопающих дело рук самих утопающих, то для меня честнее перестать хвататься за соломинку.

Мне снится мой отец и еще какие-то люди. Абсурдные разговоры о ком-то. Все перепутано – имена, лица, факты – как может быть только во сне. И вдруг что-то происходит. Но не так, как во всех этих смехотворных мистических триллерах, а очень реально, с ужасающей правдоподобностью... И почему-то мгновенно ясно – это не локальная катастрофа: пол ломается, рушится, проваливается, там пустота, в которой почти сразу начинает исчезать мой отец, его неумолимо затягивает, меня и всех остальных неудержимо тянет вслед, и я только успеваю подумать: «значит, ад все-таки есть...»

Самый страшный сон со времен моего детства.

...Старинный дом. Высоченные лестничные пролеты. Мне на седьмой. В том месте, где между этажами должен останавливаться лифт, какой-то неопрятный мусор, куски фанеры и размотанная проволока, в прошлом, видимо, прикреплявшая к перилам лестницы планшет с надписью «лифтом не пользоваться», теперь криво свисающий до пола. Хотя вроде бы слышно, как лифт передвигается, доверия к нему я почему-то не испытываю. Я тащусь пешком, выбиваясь из сил, и в какой-то момент сбиваюсь со счета и проклинаю все на свете. Это, несомненно, Россия, и номеров этажей нигде не видно, так же как и табличек на дверях, и я уже не знаю, то ли пропустил седьмой, то ли еще не дошел до него. Единственный выход – вызвать лифт. Спускаюсь на пол этажа, жму на кнопку, и лифт приходит, останавливаясь как-то очень высоко. Чтоб в него залезть, влезая на перила, открываю дверь – с потолка свешивается петля. Вместо пола – пропасть шахты. Все ясно! В этом лифте ездят, подвешивая себя петлей, пропущенной подмышками. Заглядываю в шахту... Жуть. Альтернатива – спускаться через все эти огромные лестничные пролеты до первого этажа и сызнова начинать отсчет. Стою, раздумывая, так и не решаясь себя подвесить. И постепенно пробуждаюсь...

А ведь почти в таком лифте и в таком доме, мне уже приходилось побывать в Москве. И даже довелось из него выбраться, застряв ниже этажа.

Я лечу в самолете, и меня начинает неудержимо затягивать сонливость...

...Мне чудится, что около меня – прямо рядом с креслом – гигантская белая колонна, я вижу ее боковым зрением: у нее нет ни начала, ни конца. Как же это? – мы летим, но она, справа от меня, не исчезает... Ах, вот оно что! – она летит вместе с нами, она же – часть нашего самолета... До чего странные нынче стали строить самолеты! Колонна пронзает машину сверху вниз, припиливая ее к земле и небу одновременно, прочерчивая глубокий след не только в облаках, но и всей своей массой вспарывая землю гигантским плугом, круша все на своем пути, оставляя за собой руины, неся беду и гибель...

Ну вот – снова мне задали вопрос о том, что для меня счастье. Какая пошлость и примитивность! Ведь каждый кроит счастье по своей мерке, и чаще всего – "на вырост".

Но, вовремя вспоминая, что глупых вопросов не бывает, я отвечаю:

Счастье – это побочный продукт той глубины и силы, с которой человек способен переживать – положительное ли, отрицательное ли – не имеет значения. Трагическое входит в счастье на тех же правах, что и эйфорическая радость. Лучше всего этому учит музыка.

Счастье не может быть целью, если ты не наркоман. И эта категория – актуальная, а не потенциальная: или оно переживается в данный момент, или нет. Счастье всегда связано с выходом за пределы личностного – будь это просто встреча другого человека, интимная близость, вживание в персонажей книги или, наконец, верно найденная музыкальная фраза, дающая ощущение причастности к чему-то высшему.

Широк человек! но сужать – это уж пусть сам Достоевский и сужает, а мне что-то в основном одни суженные и попадают...

Вот от чего бы я точно не хотел умереть, так это от скромности – очень уж мучительная это смерть!

Куда не попаду пальцем – нигде никакого неба...

Кто бросит в меня первым краугольный камень?

Рожденный ползать будет и по облаку ползать.

Одного незаменимого можно всегда заменить другим незаменимым.

Терпеть не могу терпеть!!!

Народ – богохулец и рогоносец.

Вот как бывает: готовишься к бою, соберешься в комок, выставишь рога, – и вдруг ситуация рассасывается: неожиданно пронесло... А потом эти непригодившиеся рога бодают всего тебя изнутри...

...Вошла красотка со своим совершенно ороговевшим мужем.

Любое произведение искусства требует от тебя, как читателя, зрителя, слушателя – прежде всего безграничного доверия. Вплоть до того самого момента, когда в первый раз стошнит.

Сик транзит gloria mundi

В Америке, тайком от моей первой жены, я с большим трудом покупаю и с кучей предосторожностей везу в Москву очень редкие духи «Павлова» – для моей нынешней жены.

Они ей страшно нравятся своей оригинальностью. Несколько лет они в фаворе, и все благоухает ими.

Но время идет, она получает в подарок новые, потом еще и еще...

А выбросить жалко, и они едут с нами в Германию, потом пылятся долгие годы в шкафу.

Теперь их место – в туалете, в качестве ароматизатора...

Ждал я как-то ответа из России по поводу организации одного мероприятия. Долго ждал. И, наконец, получил ответ: “Уважаемый Владимир! Извините, пожалуйста, за столь долгое молчание! Конечно, интерес, не пропал, но большие проблемы со сраками!”

Так и подмывало ответить – а с ними всегда одни проблемы!

После похода в гости – бессонная ночь. Что-то такое съел, от чего живот вздулся, как слишком сильно накаченный шар, в котором покоится огромный кирпич. Вот-вот готов был с неприятным звуком лопнуть и разлететься на тысячу кусочков...

Но, к моему мучению, не лопнул.

Проснулся утром с кошмарной головной болью. Встал. Где живот, где голова – не пойму: два надутых шара с кирпичом внутри! Интересно, возможно ли пукнуть головой?..

Пожилые немцы, прошедшие войну, обжают русских. Услышав русскую речь, один такой подскакивает к моей жене, гуляющей с маленькой Машенькой, и говорит, медленно вспоминая русские слова: «О, Вы русские! Хорошо!» – и, пропев – «Вольга, Вольга, е... твою мать!» – спрашивает гордо: «Ну как?»

В старинном замке, служащем Дворцом Культуры одного из районов Мюнхена, проходила выставка, устроенная владелицей Замка. Среди прочего присутствовал известный «инсталлятор» (как бы художник или скульптор – прошу не путать с точно так же звучащей на немецком профессией сантехника, хоть разница и не так уж существенна). Среди его творений было стоящее на полу ведро с парой валяющихся в нем старых разодранных тряпок, живописно свисающих из него непосредственно на пол.

На второй день хватились экспоната – нет его! Ведро вскоре отыскалось, но тряпок так и не нашли. Как это приличествует такому случаю, автор закатил жуткий скандал. Он клятвенно обещал потащить в суд несчастную, забитую и необразованную уборщицу, принявшую его бессмертное творение – вы только представьте себе! – за оставленное кем-то вовсе непригодное к употреблению орудие для мытья полов... Вот так в наше время отсутствие культуры и необразованность запросто приводят напрямую на скамью подсудимых – хотела как лучше, а совершила акт позорного вандализма!..

А вот другой участник совсем другой выставки повел себя в похожей ситуации неожиданно. Его замысловатая деревянная конструкция, проинсталлированная в Карлсруе на открытом воздухе, была буквально смята внезапно налетевшим ураганом. Организаторы крупной международной выставки были в панике – что же теперь будет? И страховка не оплатит: стихия ведь... Но всемирно известный автор, прибыв к этим деревянным руинам, взглянул на них и бросил вскользь: «Теперь эта инсталляция стала просто бесценной!»

Сообщающиеся сосуды мировой скорби.

Терпеть не могу евреев. Особенно когда смотрю в зеркало...

А может быть, все же вернуться на нашу истерическую родину?

Надо бы написать Книгу Летального Исхода...

Труд создал Сизифа.

Хорошо бы, наконец, научиться махать рогами и бодаться крыльями!

Новый коан: Тяжелая это работа - из болота тащить бегемота! Особенно если его там нет...

Жлобы – самые честные люди на свете!

У него ампула такое небритое, волосатое...

Диссертация на тему «Моцарт как страдавший член Сальери».

Некоторым, вроде меня, возраст совершенно не идет на пользу!

У нее было слегка пещеристое тело...

Из своей черепной коробки можно выпрыгнуть только в ящик.

– Даже не знаю, к какому мне врачу обратиться!

– Это не к врачу...

Вот на этой оптимистической ноте си бемоль и разрешите откланяться...